

31 июля 2018 года исполняется 250 лет со дня рождения выдающейся крепостной оперной певицы Прасковьи Ивановны Ковалёвой-Жемчуговой.

До сих пор многих волнует загадка судьбы этой женщины. И в нашей статье мы расскажем о предках актрисы.

О прадеде Параше, Сергее, сыне Яковлеве, ничего в точности известно не было. Отец же её, Иван, сын Степанов и дед, сын Сергеев, отродясь кузнечили.. Так и вековали до седой бороды у наковальни, горна и мехов. Мастеровыми они считались ловкими, сообразительными. Подковать коня лучше их никто не умел. Шины наладят такие, что никакой гололёд не страшен. А за подковными гвоздями – ухналями – их выделки приезжали из великокняжеских конюшен. Ковалёвы умели натянуть раскалённый обод на колесо для любой дороги. Одна у них беда, и также от отца к сыну: пьют люто. Кузнецы во хмелю бушуют страшенно. Трезвые – спокойны, тихи. Чуть из чарки хлебнули – пошло, поехало. На всех с кулаками лезут. Жёны, дочери из хаты бегут. Разъярённые кузнецы, с кроваво-красными глазами, с пудовыми чёрными от железа кулаками, орут одно и то же: «Отдай моё дворянство! Я свободный человек. Волю отдай!»

И начал графский архивист разматывать свиток их родословной. Год за годом. В бумагах рылся как крот в земле. И нашёл. И увидел. Такое, что даже у него, привычного ко всему и столько поразмыслившему среди своих молчаливых папок, захолонуло сердце. Взял архивист старые переписные книги от самого начала века. Предков Прасковьи Ивановны Ковалёвой « в написании не оказалось». Что это значит? Не коренные они, не шереметевские. Пришлые. Откуда?

Принялся графский архивист за бумаги поближе годами. Ревизские сказки за 1746 год. Они не солгут, здесь всё обозначено, всему своё место. Тут Ковалёвы есть. В сказке, поданной в полицейскую часть, показаны: Степан, Сергеев сын, под названием Кузнецов, и при нём его малолетний сын Иван...

Степан пояснил, что он крепостной графа Бориса Петровича Шереметева Юхотской волости, села Большого, деревни Березина, крестьянин. И тому назад двадцать семь лет взят в Санкт-Петербург для обучения кузнечному мастерству, где и находится. Ничего особенного в этой записи не было.

И интереса ради архивист сделал ещё одну попытку. Раскрыл другую ревизскую сказку, за год 1747. Здесь его ждала неожиданность. Тот же Степан пояснял, что отец его, Сергей Яковлевич Ковалевский, значился природным шляхтичем. Отец при Борисе Петровиче Шереметеве числился не крепостным, а «вольным поселенцем». И он, Степан, такой же послуживец при Петре Борисовиче Шереметеве, и он покорнейше просит, чтобы его с другими крепостными людьми наравне, в подушный оклад не записывать... Подушный оклад 1747 года нашёлся сразу. Вот она эта запись. Внесли-таки в оклад. Ясно написано: «Причислить за графа Петра Борисовича Шереметева, в Мещериновской его вотчине, в подушный оклад». Только фамилию изменили: вместо «Ковалёвых» обозначено «Кузнецовых». Придуманно не хитро: что коваль, что кузнец – одно и то же. Но всё упирается в Якова Ковалевского. Он-то и есть начальник рода. Где же о нём сведения? Где подтверждение его дворянства?

Не сразу сообразил архивист, что не там ищет. Уж если Яков был дворянином, значит, следы его надо искать в герольдии. Не смотрите на пресловутую архивную пыль, на истлевшую бумагу, горько напоминающую о бренности всего сущего. Приглядитесь к человеку вдохновенному, забывающему счёт дням и ночам. Человек этот ищет истину...

Вот! Вот! Нашёлся Ковалевский Якуб. Выходец из западных губерний, действительно шляхтич, пожелавший «остаться вечно в российской службе». Теперь архивист крепко держал в руках все нити поиска.

... Миновало время. Долгое время. Однажды Николай Петрович велел позвать архивиста. Неурочный зов встревожил его. Кажется, ничем не провинился. Правда в народе говорят: батоги виновную спину найдут. А может, просто у графа новый родственник объявился. Надо по древу определить... Архивист поднялся в кабинет Николая Петровича. В обдёрганной, грязноватой рубахе, в порванном зипунишке, он ощутил себя в графском кабинете среди бронзы, мрамора, книг очень уж посторонним. Сейчас на «господском верхе» он терялся, моргал слезящимися глазами, мял засаленную шапчонку

- Такое вот дело, - сказал ему граф, - покопайся в своих бумагах. Разберись во всём, что касается происхождения Прасковьи Жемчуговой, то бишь Ковалёвой... Полагаю, не дворянского ли она рода? Как думаешь?

Архивист остолбенел. Впервые его спрашивали о том, что он думает.

По ступенькам лестницы бедняга не шёл, его несли крылья. Такое с человеком может случиться раз в жизни: чтобы столь внезапно сошлись надежды и действительность. Через неделю архивист положил на графский стол все документы.

Уже на следующий день граф сам вызвал его.
- Спасибо за службу, - сказал Шереметев, - забирай бумаги. Там что надо написано.

В папке лежал листок с несколькими аккуратными строчками. Из них следовало: можно считать за имоверное, что означенный Якуб Ковалевский и по нём сын его Сергей оставались в послугах у Бориса Петровича Шереметева. Они не давали на себя никакой кабалы. После смерти Якуба и Сергея их внук и сын Степан, при графе Петре Борисовиче, во второй ревизии включён в число крепостных, невзирая на его противоречие.

В Белорусский край помчалась целая команда искать родичей Прасковьи Ивановны. И нашли. Неизвестно как, но нашли. Привезли дворянина Ковалевского в Петербург. Он прожил здесь некоторое время в почёте и довольстве. Затем отбыл, оставив свой портрет, миниатюру на эмали...

Николай Петрович Шереметев отпустил «вечно на волю» всю семью Ковалевских. А Параша осталась жить в Фонтанном доме.

Из книги А. Вересова «Фонтанный дом».

Составитель – С.Д. Нечай